

СВОБОДНОЕ
СЛОВО

Страдания но мыслить

Неделя - 1993 - авг. (№31) - с. 8-9.

- Юрий Леонардович, после вашей шумевшей статьи "Русский век" от вас ждут новых идей, неожиданного взгляда на современную гололомную ситуацию в России. Вы же, как я заметила, писать - пишете, но не принимаете участия ни в каких сугубо политических акциях, не выступаете на митингах и собраниях...

- Дело в том, что я вообще не очень хорошо отношусь к нынешнему рвению интеллигенции "подсказывать" властям, к ее стремлению участвовать во всяких властных структурах, в Президентском совете и так далее. Тут как-то один мой знакомый (не хочу называть его имени) с гордостью рассказывал: вот, президент поступил так, как мы ему посоветовали! Я не стал с ним спорить, но про себя подумал: президент поступил так не потому, что вы ему советовали, а потому, что ему в тот момент это было удобно и выгодно.

Эта иллюзия, что будто бы интеллигенция должна подсказывать власти хорошие ходы, существует столько, сколько существует русская интеллигенция, века два уже, если считать с Радищева. Но, во-первых, мы в политике ни черта не понимаем, и те ходы, которые мы с самыми благими намерениями подсказываем, могут быть ошибочными. Во-вторых, любой политик в два счета обштыпывает интеллигенцию, - как Горбачев в свое время, как Ельцин теперь. Ведь они же вспоминают о нас только тогда, когда земля горит под ногами! Вот кинул Ельцин клич к интеллигенции перед референдумом, потом напечатал в "Культуре" благодарности за поддержку - и все, забудет о ней до следующего критического момента. Переигрывают они нас, а мы оказываемся, мягко говоря, в луке.

- Наверное, это стремление советовать властям идет от укоренившегося именно в России представления о том, что литература, искусство - учителя жизни, что они должны вести за собой... У западных интеллектуалов таких претензий нет.

- Да, это одно из объяснений. На самом деле, конечно, ничего подобного - литература не должна учить жизни. Другой вопрос, что у нее можно брать уроки, но это уже личное дело читателя. И - возвращаясь к политике - ведь все, что мы можем дать власти, в конце концов заключено в том, что мы пишем. Вот мне сразу из двух источников сообщили, что ксерокс моей статьи "Русский век" лежал на столе у президента. Очень хорошо! Это и есть мое дело - написать так, чтобы было интересно и президенту, и, скажем, пасечнику с Дона (получил я такое интересное письмо). А все эти собрания... Приглашали меня, конечно, и было искушение пойти, выступить, но я так рассуждаю: там ведь соберутся люди, уверенные в одном и том же, и еще начнут друг друга в этом убеждать... бессмысленное занятие!

Мне еще очень неприятно бывает видеть по телевизору, на презентации какой-нибудь фирмы уважаемых мною деятелей культуры, собравшихся, грубо говоря, "на халаву". Не надо нам туда лезть! У богатых - своя компания, у нас - своя. Пусть с проданными штанами, но мы должны держать марку: писать, играть в театре или на музыкальном инструменте и так далее, и пытаться достичь такого интеллектуального тонуса, чтобы политики и бизнесмены посчитали за честь среди нас, в нашей компании оказаться.

И ведь все это болезни застарелые. Занимаясь сейчас XX веком и многое читая по его истории, я раздумался: а почему простой народ - крестьяне, солдаты, рабочие - даже в до-революционную и революционную пору относились к трудовому интеллигенту так же плохо, как и к барину, фабриканту, полицейскому, генералу? Они же их ставили на одну доску, хотя интеллигент, казалось бы, сам был фигурой страдательной. Да потому, что уже тогда интеллигенты слишком близко стояли к власти - отсюда и недоверие к ним у народа.

- А не в том ли еще коренится это недоверие, что разумное начало менее присуще русскому человеку, чем стихийное, эмоциональное?

- Да, вероятно. Но можно ведь и по-другому посмотреть: интеллигенция на то и создана, чтобы разум был впереди чувств, "чтоб мыслить (сначала - мыслить!) и страдать". Тогда спрашивается: а исполняет ли наша интеллигенция свои функции? Хотя сейчас ленивый только ее не ругает и вроде бы не хочется присоединяться к этому хору, но к великому сожалению, нельзя не видеть, как плохо мы думаем! Читаешь ли газеты, журналы, смотришь ли телевизор - везде одно и то же, топтание на одном месте. За исключением сахаровских проклятий - какие еще неожиданные ходы продумала и предложила за последние годы наша интел-

лигенция? Нечего называть. Все та же возня славянофилов и западников, все те же аргументы, что чуть ли не с прошлого века в ходу, а прорывов нет.

Есть еще, я считаю, один "грех" на интеллигенции. Мерзковский, не самый вообще мой любимый писатель, великолепно сказал: "Русское ос-

ским губернатором и в городе разразился страшный еврейский погром, то Столыпин жестоко его подавил, причем рискуя собственной жизнью. Он выехал на место, где буйствовала толпа, и она стала на него надвигаться. Впереди шел парень с колом, пьяный, глаза налитые - еще минута, и он бы просто голову раскроил губер-

для чего-то чуждого, ненужного и даже вредного ему. Государство, построенное народом для защиты человека, свободы его труда и основанной на нем собственности, для защиты благоденствия человека, не нуждается в идеологии. В идеологии нуждается держава, порабащая прежде всего свой народ, ни во что не ставящая отдель-

вобождеие бессловесно". Аналогично у Маяковского: "Улица корчится безъязыкая". То, что думал, точнее, чувствовал весь народ Российской империи перед революцией, - он выразить не мог. Это должна была сделать интеллигенция. Но что она выразила (да и выразила ли толком)? Только желания одной прослойки - самой бедной, люмпенской, а народ ведь состоял отнюдь не из одних бедняков. И сейчас то же самое я вижу: народ что-то там себе думает, недоволен Горбачевым, Ельциным, в то же время возвращения к старому не хочет... А вот чего он желал бы? Ведь наше дело - это выразить. Но увы...

- Так в чем же дело - "страшно далеки они от народа"?

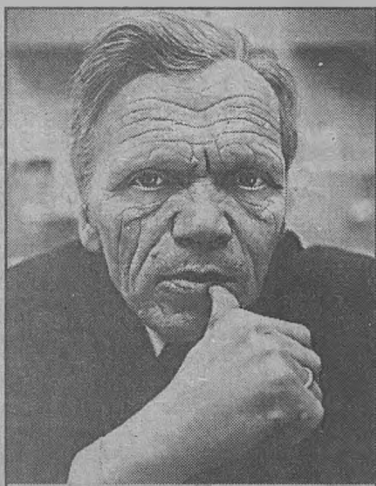
- Есть у меня на этот счет одна любимая мысль, которую я еще не прописал и хочу посвятить ей отдельную статью. Понимаете, если до революции интеллигенция культивировала в себе некое экзальтированное народолюбие, то после революции и гражданской войны, увидев ту разинщину, ту анархию, ко-

натуру. А Петр Аркадьич нашелся: сбросил шинель - и кинул парню: "Держи!" Тот от неожиданности кол выронил - и толпа отступила, затихла!

Да, так вот, когда сейчас вспоминают о Столыпине, никто не говорит о том, что его критиковали отнюдь не только Ленин и прочие левые. На него жутко нападали справа: Пуришкевич, Марков-2, Бобринский. Ведь это Столыпин кричал, что его реформы жидомасонские...

- Однако именно он и говорил о великой России...

- Во-первых, я думаю, что он имел в виду экономическое процветание. Во-вторых, тогда еще можно было это произносить: Россия была великой державой. Империя развалилась в 17-м году. И это был закономерный процесс. Большевики сколотили империю обратно, за исключением Финляндии. То есть они задержали естественный процесс распада, и даже временами стало казаться, что это было правильно, что все срослось. А на самом деле - нет, как только империя ослабла, так тут же по старым расколам все опять и начало разваливаться.

Так получилось, что интервью, которое дал нашему обозревателю Юрий Болдырев, оказалось последним в жизни этого замечательного писателя и благородного человека. Его размышления о судьбах России теперь невольно воспринимаются как прощальные и потому звучат с особой весомостью и одновременно - щемящей пронзительностью...

торая вспыхнула в народе и заставила крушить все вокруг, убивать офицеров, дворян, "образованных", интеллигенция ужаснулась и прониклась столь же экзальтированной народолюбью, которая есть и в наших с вами генах. Мы побаиваемся простого народа. А нужны были не народолюбие и не народобоязнь - а народоведение. Этим интеллигенция не занималась. Вот почему русское освобождение бессловесно. Мы как не знали своего народа, так не знаем его и по сей день.

Ну, конечно, были провидцы и в прошлом веке - Глеб Иванович Успенский, например, - но ведь и крылы-то его как! Потому что всем куда больше нравились сопливые сказки Златовратского и Засодимского, которые сусальных мужичков-правдолюбцев и богоскателей описывали. И в советской литературе можно найти трезвый взгляд на народ (хоть это уже труднее) - вспомните хотя бы прекрасные деревенские очерки Ефима Дороша. Но мы к такой литературе менее всего внимательны.

- Вы говорили о необходимости выразить желания, чаяния народа. Не равнозначно ли это выработке новой идеологии? Ведь сейчас много говорят о том, что на одной прагматической идее свободного рынка России не воскреснуть. Что нужна некая более высокая национальная идея, ну, например, лозунг великой России. Что-то в вашем сердце этому лозунгу отзывается?

- Нет! У меня к нему негативное отношение. То есть я не против великой России, но величие полагаю в другом, чем те, кто мечтают этот лозунг воскресить.

- Но я говорю не об одних национал-"патриотах". Ведь патриотическое чувство ущемлено и у правых, и у левых, да почти у всех. Стыдно жить в слаборазвитой стране, стремительно теряющей даже остатки авторитета.

- И все-таки прежде всего о великой России кричат те, для кого она равнозначна огромной державе, устрашающей весь мир.

Откуда пошел этот лозунг? От знаменитой фразы Столыпина: "Вам нужны великие потрясения - нам нужна великая Россия". К кому она была обращена? Априорно считается, что к революционерам. А ведь на самом деле она в равной степени относилась и к черносотенцам, к экстремистам всех мастей. Мало кто помнит, что когда Столыпин был саратов-

- То, что Прибалтика ушла, неудивительно. Даже Кавказ, Средняя Азия - более-менее можно понять. Но уж такие близкие нам Украина, Белоруссия? Напоминает распад семьи, где муж и жена - хорошая пара, а вот из-за каких-то амбиций развелись и всю жизнь будут жалеть об этом.

- Мы, русские люди, даже не представляем себе тех унижений, которые ненароком наносили тем же украинцам. Украина как раз - одна из самых непримиримых. Белоруссия в этом смысле помягче, у нее ведь не было никогда своей государственности. Но Украина для нас потеряна надолго! Да, я не исключаю, что в далеком будущем, когда раны затянута, унижения забудутся, когда мы станем богаче (потому что кто потянется к нищему и больному?) - тогда, может быть, и пойдет какой-то обратный процесс. Но сейчас о союзе славянских государств, этой солженицынском мечте, не может быть и речи.

Да и русский народ устал нести очень тяжелое имперское бремя. И если бы даже каким-то чудом мы опять соединились, то я, грешным делом, думаю, - русский народ был бы этому и не рад. Нам бы свою Россию сейчас поднять, вытянуть...

Сменятся поколения, забудутся горевания о большой стране, образуются чисто российские приоритеты. Вот тогда, может быть, возникнет великая Россия - великая культурой, наукой, хозяйством своим. Хотя никогда мы не станем такими богатыми, как Америка. Да нам, пожалуй, это и не нужно, мы никогда и не рвались уж так к несметному богатству.

А что касается национального идеала... По-моему, все эти толки о капитализме и социализме только путают дело. Я для себя сформулировал так - нам нужна Россия свободного труда и свободного мнения. Тогда страна станет если не великой, то по крайней мере удобной для жизни. Не надо ничего специально строить! Дайте свободу жизни - и все само прорастет.

И как раз идеология - если вернуться к этой теме - не нужна свободному человеку. Я тут написал одну короткую шутку - такие маленькие эссе в моей будущей книге будут перемежаться большими статьями...

"Что такое идеология? Это бубенчики на расписной дуге, чтобы народ гордился ими и забывал, не осознал, что его захомутали, что все силы и даже его жизнь отбирают у него

ного человека, его достоинство, его труд, его мнение, его свободу, но ставящая превыше всего себя самое. Не удивляет, что об идеологии тоскуют генералы, свичные с армейской дисциплиной, чиновники, которыми идеология дает возможность себя прокормить. Омерзительно, когда об идеологии и о державе в ностальгических тонах начинают говорить интеллигенты. Или только кажущиеся интеллигентами?"

Вот мое отношение к идеологии. Она не сплачивает, она раздражает народ. А сплачивает - дело.

Поэтому для чего нужно сильное государство? Не для того, чтобы покорить соседа, а чтобы защитить людей дела, и защитить, между прочим, от самого же себя, от этой орды чиновничьей. Вы посмотрите - кто выиграл от Октябрьской революции? "Гегемон"? Крестьянин? Нет. Выиграло чиновничество. Ведь и до революции Россия слыла очень бюрократическим государством, а после Октября бюрократизация стала и вовсе ужасающей.

- Ну, так и сейчас от августовских событий выиграли чиновники - ведь как аппаратный спрут разросся!

- Конечно! И в этой ситуации нам остро не хватает ярких лидеров. Те, что действуют сегодня, все вышли из старых структур, прошли школу не инициативы, а подчинения. И моя главная претензия к ним - они не знают, чего хотят. Ельцин уже два года президент, а я н раз не слышал внятно произнесенного: чего он, собственно говоря, хочет? Какую Россию видит в будущем? Неизвестно. У нас вспоминают в качестве образцового лидера де Голля. Так ведь когда де Голль взял на себя властные полномочия (а по сути, установил почти что диктатуру), он точно знал, какие перед ним стоят задачи, что он будет делать. Все колебания Ельцина, неуверенность, все его невыполненные обещания происходят от незнания. И это самое ужасное, поскольку может привести к очень неприятным последствиям.

Правда, все-таки подрастают новые политики. И для меня сейчас задача Ельцина в том, чтобы он еще посидел на своем месте, пока они окончательно "дозреют". Мы же видели, как рос, например, Гайдар за время премьерства, как в декабре он уже понимал те вещи, которых не понимал в январе. И другие люди на подходе. Интересны и важны для России будут те политики, которые выйдут из недр предпринимательских структур, из бизнеса, торговли, строительства.

- И все-таки пока сохраняется опасная ситуация неустойчивого равновесия, когда еще вполне можно прохлопать демократию и получить диктатуру...

- Да ведь демократии как раз и нет пока. Поэтому при нашей системе боимся не только тоталитаризма, но и авторитаризма тоже. Ведь как происходило почти всегда на Руси: начинает правитель исполнять свои авторитарные функции с добрыми намерениями - и потом перерождается в нечто противоположное.

- Так не получается ли (если справедливо утверждение: "наше прошлое - это наше будущее"), что русская история не дает нам доброй надежды?

- Тут у меня странное ощущение. Когда я думаю головой - конечно, мне не по себе. Ну, неоткуда взяться надежде! Когда я включаю сердце - то я надеюсь.

И поэтому я придумал для себя такое идеалистическое оправдание. Все-таки в истории разных стран, кроме каких-то ясных политических и экономических факторов, присутствует еще и элемент... ну, скажем, чуда. А уж в российской истории тем более. Но это и опасно - рассчитывать на чудо. Потому что если Россия будет пребывать в ожидании чуда, ничего сама не делая, - все, точно конец!

Но мне кажется, что какое-то шевеление началось потихоньку. И как бы ни ругались, как бы ни крыли на всех углах руководителей - от Ельцина до мелких начальников, - а все-таки "назад неохота", как одна бабышка честоно признала. Кто хватается две-три работы, кто торгует, кто вяжет, кто на машинке стучит для тех же фирм... как-то худо-бедно применяемся мы все к новым обстоятельствам, входим в этот новый мир.

"Назад неохота"! И я надеюсь на чудо.

Беседу вела
Галина Черемная
25 мая 1993г.